

— Цзецзе любит тебя!

Коу Чэнь!

Голос Хэ Хуа оказался звонким. Публика ясно расслышала её слова и сразу же разразилась ликованием и криками одобрения. В конце концов, почти все в школе знали Коу Чэня, а тут его имя перед несметной толпой выкрикнула незаметная тихая девушка. Дальнейшие её слова вполне стоили предвкушения.

— Блять! — Коу Чэнь сдвинул талию Хо Жэня и спрятался за ним всей верхней половиной тела.
— Она собралась меня благодарить? Так она же сделала это давным-давно? И я ей сказал, что не надо меня благодарить. Ещё она говорила, что нам не нужно вмешиваться...

Хэ Хуа снова опустила голову, чтобы прочитать свои подсказки, но на этот раз не тянула.

— Хочу сказать — спасибо тебе!

Когда она выкрикнула эти слова во всю мощь лёгких, Хо Жэнь почувствовал, что рука Коу Чэня на его животе ослабла, но тот всё равно прятался за ним и лишь тихо пробурчал:

— Ладно, не за что, а теперь, если ты закончила, спускайся уже вниз и...

— Я говорю спасибо не за то, что ты помог мне разобраться с теми людьми. — Хэ Хуа больше не читала с бумажки, собственные выкрикивания как будто придали ей сил. — Я говорю

спасибо... за то, что ты дал мне смелости!

Публика не освистала её, а поддержала аплодисментами.

— Коу Чэнь, — Хо Жань ущипнул его за ногу, — сядь нормально, почему ты такой трусишка?

— Я не так сильно люблю быть в центре внимания, как ты. — Коу Чэнь наконец отпустил его и сел прямо.

Но было очевидно, что он совсем немного, но засмутился. Хо Жань пришёл к выводу, что Коу Чэнь приспособлен к нахождению в центре внимания только через свою инициативу, а не когда его принуждали. Хотя сейчас он сидел прямо и уверенно, но не знал, куда девать руки.

— Возможно, в будущем я столкнусь со многими трудностями! И, возможно, никто мне больше так не поможет! — продолжала кричать Хэ Хуа. — Но стоит мне вспомнить о тебе, вспомнить о вас, я... Я буду помнить только твоё имя, а что касается вас, ребята, я буду обязательно помнить ваши лица! Стоит мне вспомнить о вас! И во мне пробудится смелость противостоять любым бедам! Спасибо вам!

На этот раз аплодисменты были ещё громче и восторженнее, и все начали искать взглядами Коу Чэня. Он улыбнулся краешками губ, похлопал вместе со всеми, а затем показал Хэ Хуа большой палец. Поднялся радостный девичий визг.

Хо Жань посмотрел на Коу Чэня. Откровенно говоря, Коу Чэнь определённо был одарён талантом бравировать. Так нервничал, что прятался за человека, сидящего рядом, а сейчас умудрялся сохранять невозмутимость, и выглядело это притягательно. Вот он, эффект добровольного выпендрёжничества.

Цзян Лэй, подражая ему, тоже показал Хэ Хуа большой палец. Молчаливое взаимопонимание между ребятами тут же дало о себе знать. Хотя Хэ Хуа не помнила их имён, но её озвученные благодарности предназначались им, поэтому все семеро подняли руки, показывая ей большие пальцы.

У Хэ Хуа, видно, кончилась энергия. Она поклонилась им и, не поднимая головы, отошла от перил, а на её место прискакал представитель учсовета. Хэ Хуа дала хороший старт, публика разогрелась, и он продолжил подбадривать всех желающих высказаться.

— Я уж было думал, что Хэ Хуа собралась признаваться Коу Чэню, — сказал Сюй Чуань. — Вот это было бы неловко.

— Блять, вот и я тоже... — Коу Чэнь притих и оборвал предложение.

Хо Жань, едва услышав его, повернул к нему голову:

— Что, тоже подумал, что она хочет признаться?

— А, — неуверенно отозвался Коу Чэнь.

— Ты так самоуверен? — Хо Жань поцокал языком.

— Вообще-то, я часто с таким сталкивался. — Коу Чэнь, теперь полностью восстановивший свой привычный вид, посмотрел на него прищуренными глазами и скривил губы в лёгкой улыбке. — Поэтому я уверен в себе и могу определить.

— А лицо твоё где?

— Кому оно надо, пусть забирает, — небрежно усмехнулся Коу Чэнь.

— Мы рады приветствовать следующую учащуюся, которой есть, что сказать! — объявил представитель учсовета, воодушевляя следующую выступающую, и отошёл от перил.

Все затихли и стали ждать, пока подойдёт следующий человек.

— Лэй-Лэй, — Коу Чэнь посмотрел на Цзян Лэя, — поднимешься туда потом?

Цзян Лэй колебался:

— ...Я? Мне надо подумать...

— Ссыкунишка. Ты же сотни раз репетировал, что сказать, менял текст более двухсот раз, зачитывал его больше тысячи раз и уже знаешь его наизусть, — сказал Сюй Чжифань.

— Да блин, — Цзян Лэй стиснул зубы, — поднимусь я, поднимусь.

— Если так тревожишься, просто смотри на нас, пока будешь выкрикивать, мы тебя подбодрим, — посоветовал Вэй Чаожэнь.

— Ладно. — Цзян Лэй сжал кулак ладонью и хрустнул суставами.

— Хорош. — Коу Чэнь похлопал его по руке. — Хочешь перелом костяшки, чтобы не пришлось подниматься?

Цзян Лэй пристально посмотрел на него:

— Я бы не стал заходить так далеко!

Коу Чэнь указал на него:

— Вот, зашибенный настрой, Лэй-Лэй.

Вторым человеком, стоящим на крыше, была девушка, которую Хо Жань не знал.

— Почему одни девчонки и ни одного пацана? — прошептал он. — Лэй-Лэй же не будет

единственным парнем на крыше?

Коу Чэнь наклонился к его уху:

— Потихе говори, а то он услышит и откажется участвовать.

— Из какой группы эта девушка?

— Она третьегодка, группу не знаю. Это, кстати, она заняла первое место в прыжках в высоту среди девчонок.

— А-а, — кивнул Хо Жань.

— Я учусь в выпускном классе, на отделении естествознания! — Эта яркая, непринуждённая девушка хваталась за перила и выкрикивала слова без подсказок на бумажке. — Моё имя не важно! Но то, что я хочу сказать, очень-очень серьёзно!

— Насколько серьёзно? — крикнул кто-то снизу.

Все засмеялись.

— Я очень, очень-очень хочу вернуться в гуманитарный класс! — продолжила девушка. — Малыши-первогодки! Не слушайте своих родителей, не верьте, когда вам говорят, что хорошие оценки у тех, кто выбрал естествознание, и что на гуманитарном вам придётся просто всё неосознанно зубрить! Нет, это не так! Что вам нравится, то и выбирайте! Если вам искренне нравится! Ваши оценки в любом случае будут хорошими! И тогда вы не будете ничего зубрить!

— Хорошо-о-о, — крикнула ей в ответ группа первоодок внизу.

— Я сейчас очень об этом жалею, мне совсем не нравится естествознание! Я хочу вернуться! Не повторяйте мои ошибки!

— Хорошо, поняли! — продолжали кричать ей снизу.

— Ладно, последнее предложение. — Девушка подняла руку и перевела дыхание. — Второй год, первая гуманитарная группа!

Услышав это, группа из семи человек оживилась в ожидании её следующего предложения.

— Хо Жань! — Она направила палец в их сторону и медленно переместила его на Хо Жаня. — Цзецзе любит тебя!

Хо Жань шокированно смотрел на неё.

— ...Какого?..

Все стоящие внизу, сидящие на ветках деревьев и на крыше радостно завопили и зааплодировали, перемежая возгласы свистом.

— Потрясающе! Ебануться! — Вэй Чаожэнь засмеялся и хлопнул себя по бедру. — Хо Жань, ты охуителен!

До тех пор, пока девушка не отошла от перил, шум публики не утихал. Хо Жань почувствовал себя сбитым с толку, его лицо горело. Он получал любовные письма, бывало и так, что ему признавались в любви и прилюдно, и наедине, но это был первый раз, когда ему прокричали «Цзеце любит тебя!» на глазах чуть ли не у всей школы. Вот только это предложение не походило на полное признание, эту фразу выкрикивали и девчонки всего гуманитарного отделения, болея за Коу Чэня...

— Она по-хитрому сформулировала, — с усмешкой прошептал Коу Чэнь, приблизившись к нему. — Начнёшь утверждать, что это признание, а другие возразят, мол, это как цзеце любит своего младшего брата. А скажешь, что это не признание? Но в этой ситуации это явно выглядит как признание... Ну и цзеце, интересная однако личность...

— Заткнись, — грубо перебил его Хо Жань.

Коу Чэнь повернул голову и некоторое время смотрел на него:

— Всё нормально? Ты злишься?

Хо Жань взглянул на него и потёр нос.

— ...Нет. Я что, в первый раз говорю тебе заткнуться?

— На этот раз ты каким-то странным тоном сказал. Я услышал в нём злость.

— Да нет. — Хо Жань прочистил горло. — Просто всё слишком внезапно, а тут ещё ты под боком чирикаешь...

Недолго думая, Коу Чэнь достал из кармана своего желтопёрого цыплёнка и поднёс к его лицу:

— Чирик-чирик, чирик-чирик Жань, чирик!

— Отстань. — Хо Жань не сдержал смех. — Что за хрень у тебя в голове?

Коу Чэнь прочирикал ещё несколько раз и засунул ключ с брелком обратно в карман.

Радостные вопли наконец прекратились, и Хо Жань вздохнул с облегчением. Он держался руками за карниз и покачивал ногами, ожидая появления следующего человека. Внезапно он почувствовал тепло на тыльной стороне ладони и повернул голову — Коу Чэнь накрыл его руку своей, легонько постучал по ней подушечками пальцев и вместе с ним начал качать ногами.

На этот раз наконец вышел парень, которого Хо Жань сразу узнал. Они учились в одной группе

на первом году, а сейчас он был в 3-й гуманитарной группе. Этот парнишка всегда был очень смелым, говорил всё, что на уме, и без обиняков. На первом году обучения он во время урока высказал учителю такое критическое замечание: «Вы всё время бормочете под нос, когда зачитываете материал, что половина группы чуть ли не засыпает, не могли бы вы задуматься о методах своего преподавания?».

— Лян-лаоши! — с налёту крикнул парнишка в сторону учителей, когда подошёл к перилам. — Лян-лаоши!

— Охренеть, он хочет бросить вызов Лян Мулань! — потрясённо произнёс Коу Чэнь.

Ребята тут же взглянули на группу учителей — Лао-Юань безмятежно улыбался, а рядом с ним стояла Лян Мулань с каменным лицом. По отсутствию выражения на нём и не скажешь, задело ли её это. Впрочем, Лян Мулань в сознании учеников всегда была синонимом эксцентричности. В этот момент все молчали, спокойно ожидая, когда воин на крыше сделает свой ход.

— Мы не называем вас лаоши между собой, — кричал воин. — Мы и других учителей так не называем, но всегда добавляем к их фамилии «Лао», чтобы выразить к ним свою привязанность. Но не в вашем случае. Вы должны это знать!

Лян Мулань поджала губы в холодной улыбке. По одному взгляду на неё можно было понять, что битва этого воина весьма трагична. Но воин, ничуть не страшась, продолжал:

— Преподаёте вы отлично! Но мы предпочли бы среду, в которой учиться можно было бы без напряжения, а не ту, в которой мы постоянно беспокоимся о том, что нас отругают за какую-то мелочь! Меня вы ругали много раз! Слишком много, чтобы сосчитать! За то, что когда я делаю заметки, смотрю вниз, а не на вас. За то, что я передвинул стул на уроке. За то, что я быстро бегаю по завершении занятий... Всё это — какие-то пустяки!

— Да! — вдруг крикнул кто-то в поддержку.

Остальные подхватили:

— Вот именно! Мы всегда в напряжении!

— В сравнении с этим, мы до ужаса завидуем группе Юаня-лаоши, — кричал воин. — Я считаю, что учителя могут учиться друг у друга и совершенствоваться! И надеюсь, вы сможете создать для нас более непринуждённую среду! Вперёд, Лян-лаоши! Мы в вас верим! Спасибо!

— Вперёд, Лян-лаоши! — закричали ребята из 3-й группы.

— Вот так тип, провоцирует между ними конфликт? — прошептал Коу Чэнь. — Просто невероятно! Лао-Юань же и так не в ладах с Лян Мулань.

— Скорее, это Лян Мулань не в ладах с ним, — поправил Хо Жань.

— Ага, — кивнул Коу Чэнь.

— Всё это как-то неловко, — с печалью на лице сказал Ху И. — Как Лян Мулань это проглотит?

Сцена была трогательной, но Лян Мулань потеряла лицо. Выслушав всё с невозмутимостью, она никак не отреагировала и не дала никакого ответа. Лао-Юань своевременно вмешался, пока сцена окончательно не погрузилась в неловкость.

— Мы благодарны тебе, учащийся! — крикнул он воину на крыше, сложив ладони рупором. — Спасибо! Мы так рады, что у нас есть такие ученики, как ты, готовые смело высказаться! Учителя непременно будут перенимать друг у друга опыт и совершенствоваться вместе с вами! Давайте поддержим друг друга!

Как только он договорил, раздался взрыв аплодисментов.

— Вот так Лао-Юань, всем показал, как надо, — сказал Сюй Чжифань.

— Вызволил обе стороны, как и ожидалось от Лао-Юаня, — добавил Сюй Чуань.

Воин помахал учителям, развернулся и ушёл с крыши.

Цзян Лэй убрал ноги с края крыши и присел на корточки.

— Я готов, ёбана.

— Лестница сзади, не прыгивай, а то внизу люди, и если ты на кого-нибудь упадёшь, всё закончится трагедией, — быстро напомнил ему Хо Жань.

Цзян Лэй сжал кулаки и встал.

— Я знаю.

Он пошатнулся из-за того, что так резко встал, но продолжил движение вперёд. Хо Жань забеспокоился:

— Пойду провожу его, а то вдруг он и подняться на крышу не сможет.

— Я пойду. — Сюй Чжифань сжал его плечо, встал и последовал за Цзян Лэем вниз.

— Не забудьте, мы должны подбодрить его потом, — напомнил Сюй Чуань остальным.

Ребята кивнули:

— Не волнуйся.

Коу Чэнь посмотрел вниз.

— Где Лу Хуань?

— Вон там, — указал Ху И подбородком — Лу Хуань стояла с У Сяочэнь под деревцем и следила за порядком.

Ранее Ху И сказал, что если бы поднялся на крышу, то посоветовал бы тётке у третьего окна на раздаче не трясти черпаком. И вот, его идею воплотила в жизнь одна выступающая девушка.

— Еда в нашей столовой такая вкусная, однозначно самая лучшая в городе, — кричала она. — Мои друзья из других школ мне завидуют!

Все поддержали это заявление и зааплодировали.

— Но третье окошко! Дацзе на раздаче у третьего окошка! — Она выкрикнула то, что было у Ху И на уме: — Дацзе, пожалуйста, прошу вас, держите черпак крепче! Мы все находимся на важном этапе развития организма, нам, выпускникам, нужна калорийная пища! Дацзе, кладите мне, пожалуйста, больше мяса! Не трясите вы так этим черпаком, ладно? Я люблю мясо! Нас, плотоядных девочек, тоже много!

Публика зашлась в громком хохоте. Учителя тоже смеялись и хлопали.

— Но прошу заведующих столовой, пожалуйста, не вызывайте её на ковёр! — добавила девушка. — Я просто дала совет, у меня не было плохих намерений, поэтому, пожалуйста, не раздувайте из этого драму и не интерпретируйте мои слова на свой лад!

Смех, который только начал утихать, снова усилился.

Завхоз замахала руками и крикнула:

— Ладно! Мы поняли!

У края крыши появился Цзян Лэй, который стоял в очереди парней и девушек. Руки Сюй Чжифаня продолжали сжимать его плечи. Бедолага, похоже, сильно нервничал.

Парень, до которого дошла очередь выступить, не спеша вышел к перилам. После него был ещё человек, а затем Цзян Лэй.

Парень у перил учился в выпускном классе и был одним из немногих учеников из других групп и, что уж говорить, других годов обучения, которых знал Хо Жань. Всё по простой причине: этот парень — одарённый ученик, академический бог, при чьём упоминании у учителей загорались глаза. Соответствуя своему прозвищу, академический бог выглядел безмятежно и недостижимо, стоя у перил. Он поправил очки, положил руки на перила и улыбнулся всем. Девушки из его группы завизжали первыми и начали аплодировать.

— Да он ещё выпендрёжнее, чем я, — цокнул Коу Чэнь, хлопая вместе со всеми.

— У него есть основа в виде способностей, — сказал Хо Жань. — Когда я учился на первом году, наш учитель математики рассказывал, что этот парень мог решить все задачи, которые проходили в группе, да ещё и без ошибок. А что есть у тебя?

Коу Чэнь нахмурился:

— Я обиделся!

Хо Жань засмеялся:

— Да ладно, серьёзно?

— Да, серьёзно. С какой стати ты превозносишь достоинства других! И умаляешь достоинства своих*?! Да твои локти не просто вывернуты наружу, ты их нахуй перекрутил и переломал**!

*Цитата из «Путешествия на Запад», только там «Умаляешь свои собственные»

**□□□□□□ — выставить локти наружу, то есть поддерживать противоположную сторону вместо того, чтобы помогать своим. Коу Чэнь имеет в виду, что Хо Жань не просто помогает врагу, а окончательно перешёл на сторону врага

Хо Жань, сотрясаясь от смеха, похлопал его по ноге:

— Так я то же самое говорю, когда рассказываю о тебе другим.

— В смысле, блять? Я не умею решать задачи, которые проходил, а если решаю, то с ошибками, — насупился Коу Чэнь. — Что ты обо мне рассказываешь?

— Что Коу Чэнь, если не считать его плохой успеваемости, хорош во всём.

Коу Чэнь посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Я серьёзно, — настаивал Хо Жань. — Всё сказанное мною — правда, я действительно так думаю.

Академический бог представил себя в нескольких словах и, прочистив горло, приготовился высказаться. Хо Жань и Коу Чэнь больше не разговаривали и переключили внимание на него.

— На самом деле, я бы никогда не подумал, что однажды буду стоять здесь и говорить с таким количеством людей. — Он не кричал, но его голос звучал вполне отчётливо.

Какой красивый голос.

— Я прилично долго хранил эти слова в своём сердце. — Академический бог поправил очки. — Я хочу высказаться — ради себя и ради людей, похожих на меня.

Публика хранила молчание и гадала, что он собирается сказать. Он опустил голову и несколько секунд молчал.

— Есть человек, который мне очень нравится. Знает он об этом или нет — неважно. — Он поднял голову, его голос оставался таким же ясным и ровным. — Я не скажу тебе, что ты мне нравишься. Но я говорю сейчас всем, что мне нравятся парни.

<http://bllate.org/book/14311/1267032>